

Эрнст Теодор Амадей
ГОФМАН

ЩЕЛКУНЧИК и Мышиный король

Иллюстрации Роберто Инноченти

#эксмодетство

Москва
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вечер в сочельник	7
Подарки	11
Под защитой	16
Необычайные происшествия	23
Битва	37
Болезнь	45
Сказка о твёрдом орехе	52
Дядя и племянник	82
Победа	88
Кукольное царство	100
Столица	107
Заключение	120

ВЕЧЕР В СОЧЕЛЬНИК

В сочельник детям советника медицины Штальбаума целый день не позволяли входить в гостиную и уж тем более в примыкавший к ней зал. Фриц и Мари забились в уголок дальней комнаты, и им сделалось довольно жутко, когда стало смеркаться, а никто так и не принёс лампу, как это обычно бывало по вечерам. Фриц таинственным шёпотом рассказывал младшей сестрёнке (ей только что исполнилось семь лет), что он с раннего утра слышал, как в запертых комнатах шуршат, шумят и что-то тихонько приколачивают. А не так давно он видел, как в прихожую прошмыгнул низенький тёмный человечек с большим ящичком под мышкой; но он отлично знает, что это не кто иной, как крёстный Дроссельмайер.

Мари от радости всплеснула ручками и воскликнула:

— Ах, что-то хорошенького приготовил для нас крёстный Дроссельмайер!

Советник суда отнюдь не был красив: небольшого роста, худой, со множеством морщин на лице; правый глаз закрывал чёрный пластырь. К тому же он был совершенно лысым, поэтому носил превосходный светлый парик очень искусной работы. Да и сам крёстный вообще был весьма умелым человеком, так что даже понимал толк в часах и мог их чинить. Когда в доме Штальбаумов ломались и переставали отбивать удары часы, тотчас являлся крёстный Дроссельмайер, снимал парик, скидывал свой жёлтый сюртучок и, подвязав синий фартук, тыкал в механизм часов острыми палочками. Маленькая Мари очень жалела часы, однако такое вторжение не приносило им никакого вреда — напротив, после починки они весело тикали и певуче отбивали удары, чем доставляли большую радость всем членам семьи.

Всякий раз, как приходил крёстный, в его карманах оказывалось что-нибудь интересное для детей — то смешной человек, вращающий глазами и любезно раскланивающийся, то табакерка, из которой выскакивает птичка, то ещё что-нибудь забавное. К Рождеству он всегда мастеровил какую-нибудь удивительно сложную игрушку, которая стоила ему немало труда; поэтому, как только он вручал детям подарок, родители убирали его под замок.

— Ах, что-то для нас приготовил крёстный хорошенького! — повторила Мари.

Фриц полагал, что это непременно будет крепость, в которой проводят учения и маршируют взад и вперёд бравые солдаты, на них нападают другие солдаты и стараются овладеть крепостью, а первые стреляют в них из пушек с большим шумом и грохотом.

— Нет-нет, — перебила Фрица Мари. — Крёстный рассказывал мне о саде, а в саду большое озеро, а по нему горделиво плавают лебеди с золотыми ленточками на шее и поют самые прекрасные песни. А потом из сада приходит на озеро маленькая девочка, подзывает лебедей и кормит их сладким марципаном.

— Лебеди марципан не едят, — довольно резко заметил Фриц, — да и не может крёстный сделать такой сад. И, собственно говоря, нам мало толку от его игрушек — ведь у нас их сразу же отбирают. Я гораздо больше люблю подарки папы с мамой — они у нас остаются, и мы можем делать с ними что хотим.

И дети принялись строить догадки о том, что им подарят на этот раз. Мари полагала, что Гертрудочка (её большая кукла) страшно изменилась, так как с каждым разом она всё неудачней и неудачней падает на пол, что всегда отвратительно сказывается на её лице, а о чистоте платьев уж не приходится и думать. Самые строгие выговоры ни к чему не ведут. Кроме того, мама улыбнулась, когда Мари так восхищалась маленьким зонтиком у Гретхен. Фриц же,

со своей стороны, уверял, что в его конюшне не хватает рыжего коня, а в его войсках совсем нет кавалерии, и папа отлично об этом осведомлён.

Дети знали наверняка, что родители купили им прекрасные подарки, которые теперь расставляют у ёлки, но вместе с тем им было известно, что младенец Христос приветливо смотрит на них своими кроткими детскими очами и что рождественский подарок, к которому как будто прикоснулась благодатная рука, бывает милее всякого другого.

Мари притихла, а Фриц пробормотал про себя: «А всё-таки хорошо бы получить коня и гусар!»

Совсем стемнело. Прижавшись друг к другу, Фриц и Мари уже не смели разговаривать, им казалось, что вокруг раздаётся шорох чьих-то лёгких крыльев, а откуда-то совсем издали доносятся звуки чудной музыки.

По стене пробежал светлый луч, и брат с сестрой поняли, что это младенец Христос на сияющих облаках летит дальше к другим счастливым детям.

В ту же минуту раздался серебристый звон: «Динь-дон, динь-дон», двери распахнулись, и из большой комнаты хлынул такой поток света, что Фриц и Мари замерли на пороге с восхищённым возгласом: «А-ах!» Вошли папа с мамой, взяли детей за руку и сказали:

– Ну, идите, идите, детки, посмотрите-ка, что вам подарил младенец Христос.

ПОДАРКИ

Обращаюсь к тебе, мой благосклонный читатель, — всё равно, как бы тебя ни звали — Фрицем, Анной, Эрнестом или как-нибудь иначе. Вспомни хорошенько твоё последнее Рождество и стол с разнообразными подарками, и ты сейчас же представишь себе, как дети сперва стояли ошеломлённые, с блестящими глазами, и как лишь спустя некоторое время Мари с глубоким вздохом воскликнула: «Ах, как хорошо!», а Фриц несколько раз радостно подпрыгнул так высоко, как только мог.

Должно быть, дети в этом году вели себя особенно хорошо и скромно: им никогда ещё не дарили столько замечательных, великолепных вещей, как в этот день. На стоявшей посреди комнаты большой ёлке висели золотые и серебряные яблоки, и все её ветки были усыпаны, как цветами, леденцами, засахаренным миндалём и другими лакомствами. Но самыми красивыми на волшебном дереве были сотни весело

сиявших, подобно маленьким звёздочкам, огоньков. Они радушно приглашали детей срывать цветы и плоды с ёлки.

Кругом дерева всё ярко и великолепно сверкало, и уж что за чудные вещи здесь были — вряд ли кто сумел бы и описать это!

Мари заметила хорошеньких кукол, всевозможную посуду, но что показалось ей лучше всего, так это красивое шёлковое платье, отделанное разноцветными лентами. Оно было так повешено на плечиках, что Мари могла рассматривать его со всех сторон, что она и делала, не переставая восклицать:

— Ах, чудное, ах, милое платье! И мне его можно будет надеть — правда, можно будет?

Тем временем Фриц уже три или четыре раза попробовал то галопом, то рысью объехать вокруг стола на своём новом коне, которого он нашёл уже в полном снаряжении, у стола с подарками. Спешившись, он объявил, что это очень горячий скакун, но это не беда и он отлично с ним справится, и устроил смотр своему новому гусарскому эскадрону; солдаты были в красных с золотом мундирах и с серебряными саблями, а лошади были так ослепительно белы, что казались сделанными из чистого серебра.

Немного успокоившись, дети захотели посмотреть книги с картинками; в них были нарисованы редкостные цветы, люди в разноцветных нарядах и играющие дети,

которые были так хорошо изображены, что казались живыми. Но только брат и сестра взяли в руки эти книги, как снова зазвенел колокольчик. Они поняли, что теперь настал черёд подаркам крёстного Дроссельмайера, и подбежали к стоявшему у стены столу.

Ширму, долго загораживающую стол, отодвинули. Что за великолепии предстало глазам детей! На зелёном лугу, усеянном цветами, возвышался чудный замок с зеркальными окнами и золотыми башнями. Раздался звон колокольчиков, двери и окна распахнулись, и стало видно, как по замку прогуливаются изящные маленькие кавалеры и дамы в шляпах с перьями и длинными шлейфами. А в среднем зале, который от множества крохотных свечей, горевших в серебряных люстрах, казался весь в огне, дети в коротеньких курточках и платьицах танцевали в такт звону колокольчиков. Какой-то господин в изумрудном платье часто выглядывал из окна и потом снова исчезал, а сам крёстный Дроссельмайер (только величиной с папин большой палец) время от времени выходил из дверей замка и, постояв, снова уходил внутрь.

Облокотившись на стол, Фриц рассматривал прекрасный замок и танцующих и рассказывающих человечков и вдруг сказал:

— Крёстный! Можно мне войти в твой замок?

Советник объяснил ему, что это совершенно невозможно. Он был совершенно прав, и со стороны Фрица

было очень глупо хотеть войти в замок, который даже со всеми своими золотыми башнями был меньше его самого. Фриц это и сам понял. Но через некоторое время, когда кавалеры и дамы продолжали всё так же прогуливаться, дети — танцевать, зелёный человечек — выглядывать из того же окошка, крёстный Дроссельмайер — выходить из двери, Фриц нетерпеливо воскликнул:

— Крёстный, а ну-ка, выйди из другой двери!

— Это невозможно, мой милый Фриц, — ответил советник суда.

— Ну, так заставь этого зелёного человечка, который высовывается из окошка, прогуляться с другими, — продолжал Фриц.

— Это невозможно, — снова повторил крёстный.

— Ну, если так, — воскликнул Фриц, — то пускай дети выйдут наружу, мне хочется как следует их рассмотреть.

— И это невозможно, — сердито сказал советник. — Уж как устроен механизм, так всё и должно делаться.

— Да ну-у, — разочарованно протянул Фриц, — значит, ничего нельзя? Так послушай, крёстный, ведь если твои расфранченные куколки в замке только и могут делать, что повторять всё одно и то же, так ведь им и цена невелика! Они мне совсем уж разонравились. То ли дело мои гусары — они скачут взад и вперёд, как я им приказываю, и не сидят взаперти в доме.

И с этими словами он подбежал к столу с подарками и занялся своими гусарами на серебристых конях, заставляя их гарцевать, нападать, отдавать честь и стрелять.

Мари тоже скоро надоели однообразные движения и танцы куколок в замке, но так как она была добрая и деликатная девочка, то она отошла тихонько, так, чтобы это было незаметно, не то что её брат Фриц.

Советник Дроссельмайер довольно сердито сказал родителям:

— Если эти глупые дети ничего не смыслят в такой искусной игрушке, я её заберу.

Но в дело вмешалась мама и попросила показать ей внутреннее устройство и весь чрезвычайно сложный механизм, приводивший куколок в движение. Советник целиком всё разобрал и потом опять собрал. После этого он снова пришёл в отличное настроение и подарил детям ещё несколько великолепных коричневых кукол с золотыми лицами, руками и ногами. Они были сделаны из пряничного теста и приятно пахли, так что Фриц и Мари очень обрадовались.

Сестра Луиза, по желанию матери надевшая подаренное ей платье, выглядела в нём красавицей, но, когда на Мари тоже захотели надеть её новое платьице, девочка заявила, что ей хочется ещё немножко на него посмотреть. Ей это охотно разрешили.

Под ЗАЩИТОЙ

На самом деле Мари не могла оторваться от стола с подарками, поскольку отыскала нечто, чего раньше совсем не замечала. Когда отъехали гусары Фрица, то оказалось, что они своим парадным строем заслоняли преинтересного человечка. Он тихо и скромно стоял у самой ёлки, как будто спокойно дожидаясь, чтобы очередь дошла и до него. Его фигура не отличалась красотой: длинная и довольно крепкая верхняя часть туловища совсем не соответствовала маленьким тоненьким ножкам, да и голова казалась слишком большой по сравнению со всем телом. Опрятная одежда производила хорошее впечатление и указывала на человека образованного и со вкусом. На нём была щегольская гусарская фиолетовая куртка со множеством белых шнурков и пуговиц, такого же цвета панталоны и великолепнейшие сапоги, какие когда-либо сидели на студенческой или даже гусарской ноге. Они так плотно обхватывали его маленькие